

— Я хотел как лучше, — хнычет старикан.

— Я тоже, — бурчит папа, потирая нос.

Другие старейшины не остаются в стороне.

Беззубый Лось подходит поближе: он чувствует поддержку остальных и, набравшись наглости, лупит папочку по спине.

Большая Рука
бросает на него гроз-
ный взгляд.

— Ой... там быв двугой овод! — за-
икается старичок, поспешно отходя в сторону.

Выборы вождя

Папа не собирается давать ему сдачи, ведь Беззубый Лось совсем дряхлый, но драка и без того уже началась. Разъярённый Бизон гоняется за моим папуленькой, а тот преследует Руку Загребущую, который стукнул Обжигающего Кремня, который сбил с ног Хромого Зайца, который дал пинка Острой Коленке, который...

В итоге всё стойбище Грустных Медведей превращается в кучу-малу, и всё из-за овода, одного из мириада оводов, вьющихся над тундрой нашим коротким летом.

Вот почему мы уходим.

Мы вернёмся, когда все кусачие твари перемрут от холода и среда станет более пригодной для обитания.

Да, но куда мы направимся?

Это решится сегодня вечером на общем собрании, где, помимо всего прочего, будет избран новый глава

стойбища. Такая уж традиция у ледниковых людей — летом, в ночь полнолуния, перед тем как отправиться на охоту, стойбище выбирает вождя, который будет заправлять всеми делами вплоть до следующего лета.

— Неандертальчик! Неандертальчик! Поможешь мне собрать шкуру-чемодан? — щебечет Неандерталочка, высовывая из своей хижины прелестное волосатое личико с кустистыми бровками.

Я спешу на зов моей милой.

Но и Щеголёк его услышал и несётся стремглав по склону.

Запыхавшись, мы подбегаем к прекрасной Неандерталочке, а та, положив шкуру на землю, начинает сновать между нами и хижинкой.

Что за дивные движения! Меня сводят с ума широкие, как поленья, стопы, которыми оканчиваются её проворные ножки, кривые и волосатые! Обожаю эту густую шевелюру, эти прядки, торчащие, словно иглы ежа, присыпанные охрой, склеенные бизоньим жиром...

От её пронзительного голоса меня охватывает сладостная дрожь.

— Если будет жарко, надену лёгкую тюленью шкуру... Если вечерами станет прохладно, накину ещё эти две оленьи. На случай, если похолодает, нужно захватить мантию из россомахи и, разумеется, бизонью шубку. Мешок из меха

мускусного быка тоже, конечно, нужен, да и без шкур для пикника не обойтись. Для купания — костюмчик из выдры: подружки лопнут от зависти.

Мы с Щегольком в страхе наблюдаем, как неумолимо, катастрофически прирастает узел — вполне вероятно (даже почти очевидно), что наша красавица нас попросит его нести.

— Мальчики, — щебечет Неандерталочка, выходя из хижины с очередным ворохом шкур, — вы поможете мне всё это нести, правда?

— Я понесу! — заверяю я девочку.

— Нет, я! — сердится Щеголёк, отталкивая меня в сторону.

— Спокойно, лапочки, — вмешивается Неандерталочка. — Не надо ссориться. Дорога длинная, понесёте по очереди. — Потом она стягивает кожаные ремешки и закрывает шкуру-чемодан.

Я пробую поднять этот тюк.

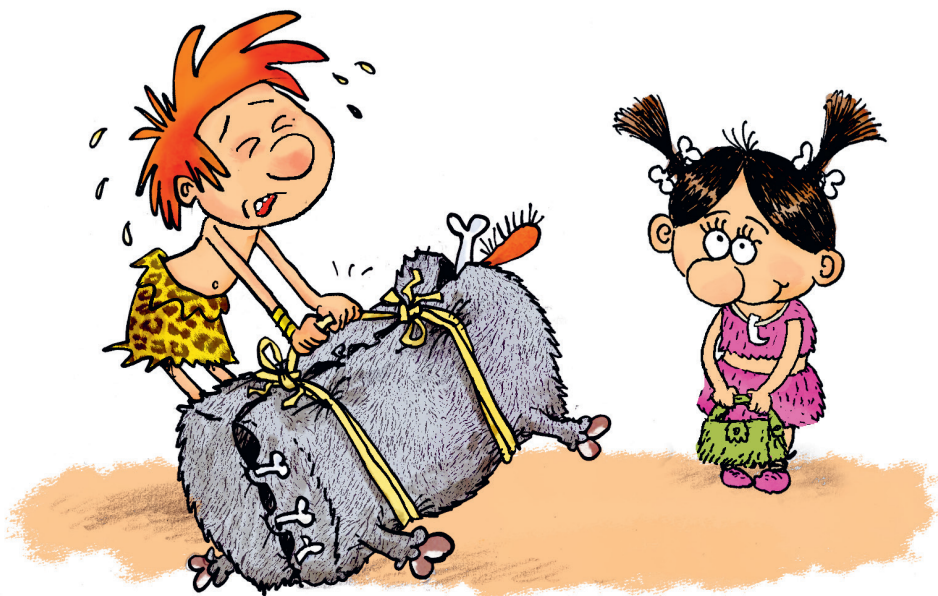
Потею, пыхчу, весь багровею, как черничник осенью, но тюк не сдвигается с места.

Щеголёк даже и не пробует, а просто свистит. Подбегает Буйволёнок. Щеголёк протягивает ему горсть кремнёвых скребков и показывает ножик из халцедона.

— Понесёшь это барахло, — шепчет хитрюга, показывая на громадный узел, — к концу путешествия получишь ножик и ещё десять скребков.

Буйволёнок хватает шкуру-чемодан, поднимает её, как пёрышко, взваливает на спину и ворчит сквозь зубы:

— Договорились.

Вот она, власть кремней!

Теперь Неандерталочка глаз не сводит с Щеголька, а я, расстроенный, удаляюсь.

— Ну и денёк выдался — не хватает только, чтобы вечером папу не переизбрали вождём... — бормочу я.

Умник, который сидит неподалёку и возится с какой-то дощечкой, кажется, расслышал мои слова.

— Меня это тоже беспокоит, — признаётся он. — Ты знаешь, кто кандидат от старейшин?

— Нет, — отвечаю я.

— Насупленный Лоб.

Земля разверзается у меня под ногами.

Насупленный Лоб?!

Насупленный Лоб и Испепеляющий Взглядом во всём заодно, да и Рука-на-расправу-легка с ними неразлучен!

— Ты представляешь, что станется с нами, ребятами, если эта троица победит на выборах? — спрашивает Умник.

— Если Рука-на-расправу-легка получит свободу действий, нам несдобровать, — отмечаю я.

— Надо что-то придумать...

— Да, но что?

— Я как раз размышлял над тем, какими станут выборы в будущем.

Тем временем подходит Берёзка.

— Опять хочешь добиться видения! — сердится она на милого. — В последний раз тебе было совсем плохо.

— Так нужно, Берёзка. Если мне удастся что-то разглядеть, мы сможем повлиять на ситуацию. Старейшин очень много, победа им обеспечена. Однако женщины колеблются, и если бы нам удалось их увлечь...

Умник замолкает, прячется в расщелину между скал, которую называет Гротом Раздумий, обхватывает руками колени, склоняет голову и закрывает глаза.

Вскоре голова и плечи у него начинают вздрагивать, а потом внезапно дрожь прекращается.

— Давай отойдём подальше, — шепчет Берёзка, — не будем ему мешать.

Едва лишь заходит солнце, как племя Грустных Медведей собирается вокруг огромного костра, разложенного перед самым Тотемом-Луной.

Полная Луна, шаман, устроился на священном белом камне и пристально разглядывает кучку косточек. Он утверждает, будто в этих костях заключена великая магическая сила. А дедушка Пузан считает, что тут одно великое надувательство, но предпочитает помалкивать — хотя учителю и нелегко в этом сознаться, но он побаивается шамана и его таинственной власти.

Кстати, о дедушке Пузани.

Наш наставник по окончании бурного учебного года сиднем сидит в своей хижине и ворчит не переставая.

Несколько дней полной бездеятельности — и он снова достиг своего обычного веса: двух медведей!

**Помоги шаману
переложить
косточку,
чтобы получилось
равенство**

— Ефли так дальше пойдёт, ты станешь квуглым, как Тотем-Луна, — замечает Беззубый Лось.

— Ефли ты и дальше будешь так брызгать слюной, когда говоришь, ты меня всего оплюёшь, с ног до головы, — рычит дедушка Пузан.

— Ш-ш-ш... тише, — унимает их тётушка Бурундучиха. — Вождь племени будет говорить!

Папа Большая Рука взбирается на Тотем-Солнце — старый высохший ствол высотой почти в три копья. Это бревно, которому поклонялись десятки поколений Грустных Медведей, уже совсем выгнило, оно прогибается и зловеще скрипит.

Кр-р-р... кр-р-р-р... кр-р-р...

Папа Большая Рука устраивается поудобнее и готовится произнести речь.

Восторг переполняет меня.

— Bravo, папочка! — кричу я и хлопаю в ладоши.

— Но он ефё ничего не фказал, — шамкает Беззубый Лось.

— Молчи, молокосос, не то у меня получишь! — грозит Рука-на-расправу-легка.

Я умолкаю и, трепеща от гордости, смотрю, как папа поднимает руку и восстанавливает тишину.

— Дорогие Грустные Медведи, — заявляет он, — в это полнолуние истекает мой срок...

— Давно пова! — кричит Беззубый Лось.

Старейшины наперебой вторят ему:

— Бу-у-у!

— В отставку!

— Некомпетентный руководитель!

WA!

С противоположной стороны поднимают голос охотники:

— Сами вы некомпетентные!

— Кровососы!

— Паразиты!

Полная Луна встаёт на свой тотем и требует тишины.

— Тихо! Тихо! Дадим ему сказать. Это его право...

— Да, но фто гововят кофточки? — допытывается Беззубый Лось.

— Они говорят, что, если ты не заткнёшься, я тебя стукну дубинкой по башке! — вопит папа Большая Рука, прыгая на Тотеме-Солнце, который угрожающе гнётся и скрипит. Папочка вытирает пот, приходит в себя и продолжает речь. — Дорогие Грустные Медведи, я могу с гордостью констатировать, что все эти луны наше стойбище процветало, достигнув благосостояния...

— Какое там благосостояние!

— Мы зимой чуть не умерли с голоду.

— Никто и в глаза не видел мозговых косточек с тех пор, как ты у нас вождь.

— Едим одну бизонину, пересушенную, протухшую...

— И той не на всех хватает.

— Я в этом не виноват, — оправдывается папа. — Стояли холода, и вся дичь ушла в Тёплые Страны... К тому же и стойбище выросло, появилось много новых ртов... Но мы увеличили запас шкур, мастерская Обжигающего Кремня работает в полную силу, и...

— Чушь!

— Ивделя, котовые он пвоизводит, уфтавели...

— Посмотри хоть на Северных Буйволов!

— Вот кто умеет обрабатывать кремень!

Обжигающий Кремень приходит в ярость и швыряет в старейшин свои инструменты. По воздуху летят пластинки кремня, готовые скребки, тяжёлые камни.

— Мои изделия для вас недостаточно хороши, да?! — визжит Человек Ремесла. — Так попробуйте, достаточно ли они крепкие!

Да, атмосфера собрания в самом деле накаляется.

— Тише, тише, — утешает всех Полная Луна. — Вождь племени должен закончить речь.

— Исходя из этого, дорогие Грустные Медведи, — продолжает папа, — прошу вас избрать меня на очередной срок. Если вы проголосуете за меня, обещаю вам благосостояние и мир, покой и достаток...

— Ниффету, говод... — бормочет Беззубый Лось.

— ...большую удачную охоту, обильную еду...

Дедушка Пузан, который задремал было, открывает один глаз, вскакивает:

— Начнём прямо сейчас. Зачем откладывать на завтра то, что можно съесть сегодня?!

— Одним словом, — завершает свою речь Большая Рука, — голосуйте за меня, и...

— И фэфсем пвевватитефь ф фкелеты! — шамкает Беззубый Лось, и старейшины отвечают смехом.

Две группы — старейшины и охотники — с угрозой взирают друг на друга.

Насупленный Лоб выходит вперёд, тоже взбирается на Тотем-Солнце, который так стонет и скрипит, что мурашки бегут по телу, и начинает предвыборную речь:

— Грустные Медведи, во всех делах стойбища наблюдается застой. Нужны перемены! Если вы выберете меня, обещаю...

— Что проку от твоих обещаний, если ты даже собственную жену прокормить не можешь! — гремит Разъярённый Бизон.

— На охоте ты всегда был полным нулём, — взрывается дяденька Бобёр.

— Только и можешь, что хаять, — вопит Раненая Пятка.

— На нашем стойбище охотники забрали слишком большую власть, — продолжает Насупленный Лоб. — Я обращаюсь прежде всего к вам, женщины племени. Восстаньте! Ведь не они спасают племя в тяжёлую минуту, а вы, вашим неустанным, кропотливым собирательством...

— Верно! — кричит Дикая Выдра. — Мы гнём спину целый день, с утра до ночи, а когда они приходят с добычей, то куда там — спасители мира! Разваливаются на шкурах и требуют, чтобы им прислуживали...

— Охотники делают всё, что могут, — вступается мама Тигра. — Думаете, так просто изловить бизона или мамонта?

— А-ах, ну и нежности! Горой на защиту муженька!.. — вопит Дикая Выдра.

— Да, я за него горой! — рычит моя милая мамочка, хватая противницу за волосы и волоча к хижинам.

Начинается всеобщая потасовка.

Вдруг все застывают на месте и поворачиваются к холму, откуда исходит адский грохот.

Первым из ельника показывается Медвежонок, он катит перед собой толстое дуплистое бревно. Время от времени останавливается и как сумасшедший колотит по нему палкой.

Потом появляется Молния, в руках у него две широкие пластины кремня с зазубренными краями, и он ударяет одну о другую, следуя ритму, заданному Медвежонком.

Потом настает черёд Блошки, которая встряхивает трости, набитые камешками, и Щеголька, который водит палкой по челюсти мамонта.

Свисток производит приятнейший звук, елозя дубинкой по выщербленной доске.

Но и это ещё не всё!

Морж, надув щёки так, что они, кажется, вот-вот лопнут, дует в рог мускусного быка, а Попрыгунчик извлекает сладостную мелодию из флейты, то есть из берцовой кости.

Наконец выхожу я, Неандертальчик, и пытаюсь перекрыть весь этот тарарам, свистя в редкую изогнутую раковину.

Потом появляются наши плясуны — Берёзка, Рысь, Вонючка и Неандерталочка.

Незабываемое зрелище!

Неандертальский мальчик и Кроманьонцы

Их головки убраны мехом рыжей лисы, запястья и волосатые ножки украшены полосками из шкуры мускусного быка, и длинная шерсть колыхается в ритме танца.

Старейшины словно язык проглотили, а женщины племени, оправившись от первого изумления, хохочут во всё горло.

Потом Сорока, наш солист, следуя бешеному ритму, заданному ударниками, принимается петь:

Аха-ха! Аха-ха!
Наш вождь — Большая Рука!
Аха-ха! Аха-ха!
Наш вождь — Большая Рука!

Группа старейшин подается, колеблется и наконец расступается перед нами.

— Но... но... кто это такие? — лепечет Жирный Бык.

— Это — наш «бэнд», — объясняет Умник. — «Глэшел Бойз», или «Ледниковые ребята»!

— Кто-о?! — визжит Рука-на-расправу-легка.

— Ваш — что?! — каркает Испепеляющий Взглядом.

— «Бэнд», вокально-инструментальный ансамбль, — откликается Умник. — Группа ребят, которые делают музыку. Такие ансамбли в будущем станут очень популярны...

— А дефчонки? — хмурится Беззубый Лось.

— О, это подтанцовка...

— А что вы вообще тут делаете?

— Проводим избирательную кампанию...

— Что?!

— Избирательную кампанию — вон, смотрите, там Уголёк раздаёт листовки...

В самом деле, Уголёк зажал под мышкой множество разрисованных кусочков бересты и раздаёт их женщинам, которые, едва взглянув, хохочут как одержимые.

— Вот так глупая рожа!

— И мы должны за такого голосовать?!

— Какой урод...

— Долой Насупленного Лба!

— Да здравствует Большая Рука!

— У стойбища должен быть энергичный молодой вождь!

Беззубый Лось берёт кусочек бересты и смотрит: там изображён Насупленный Лоб с разинутым ртом, откуда торчат единственные два зуба — с этими одинокими клыками он похож на пещерную гиену.

Старик хватает другую листовку.

Та же морщинистая харя, а под ней — с помощью рисунков, разумеется, — выражена следующая светлая мысль:

Тётушка Бурундучиха всю подмигивает мне. Беззубый Лось вглядывается в очередную листовку: Угольку удалось схватить тупое выражение лица, какое появляется у Насупленного Лба, когда тот дремлет.

Рисуночная надпись гласит:

ВЫБЕРЕМ НАСУПЛЕННОГО ЛБА —
ЖДЕТ НАС БЕЗОТРАДНАЯ СУДЬБА!

ЧТОБ ОТ ГОЛОДА НЕ ССОХЛИСЬ КИШКИ —
ВСТАНЬ НА СТОРОНУ БОЛЬШОЙ РУКИ!

Тут вокруг Тотема-Солнца начинается настоящая свистопляска: женщины стойбища аплодируют папе Большая Рука, шлют ему воздушные поцелуи.

Мама Тигра чувствует, что ситуация под контролем. Она взбирается на Тотем-Луну и кричит:

— Не так уж всё и плохо, как вам тут расписали. Большая Рука не только самый сильный из охотников — он ещё и добрый, понимающий, великодушный. Он — самый подходящий вождь для нашего стойбища...

— Да здравствует папа Большая Рука!

— Да здравствует вождь племени!

— Ты будешь нашим вождём до следующего лета!

Старейшины ворчат, что-то бормочут, пытаются перекрыть гвалт, который подняли женщины.

— Я фочу знать, фто гофуют кофточки! Я фочу знать, фто гофуют кофточки!!! — верещит Беззубый Лось.

Наступает мёртвая тишина, ибо от ответа Полной Луны зависит, в какую сторону склонится чаша весов. Луна-на-ущербе, его супруга,

бросает на него уничтожающий взгляд, и шаман наконец решается заговорить:

— М-м-м... значит, так... значит... косточки говорят... говорят... Одним словом, они говорят, что лучше обойтись без перемен!

Радостные крики раздаются со стороны охотников, а старейшины притихают.

— Ты... увефен? — переспрашивает Беззубый Лось.

— Абсолютно уверен, — подтверждает Полная Луна. — Расположение звёзд совершенно не соответствует раскладу костей. Всякие перемены окажутся гибельными для племени. Поэтому давайте поскорей перейдём к голосованию. Кто за Большую Руку, пусть как следует пукнет! (Так в нашем стойбище выражают одобрение и восторг.)

Дедушка Пузан, например, одобряет так бурно, что все вокруг него затыкают носы.

Пальба стоит оглушительная. Нет сомнений: большинство Грустных Медведей по-прежнему хочет видеть Большую Руку вождём племени.

— Выборы недействительны! — кричит Испепеляющий Взглядом.

— Нечефтная игва! «Бэнд», лифтовки, дефочки из подтанцовки... Где эфто фидано?

— И вы могли бы выступить так же, — возражает Умник.

— Как девочки из подтанцовки? — задумывается Насупленный Лоб, бросив взгляд на брюхо Жирного Быка и рахитичные ножки Беззубого Лося. — Ну что ж, чему быть, того не миновать. В конце концов, ничего страшного не случилось.